

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ РЕЙС

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Смертельный рейс / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-169013-7

Для переброски по ленд-лизу стратегических грузов из США в СССР от Аляски до Красноярска прокладывается особый авиационный маршрут. Вражеская разведка всеми силами пытается сорвать планы союзников. Для предотвращения провокаций в район строящегося аэродрома направляется группа майора Максима Шелестова. Оперативники внедряют в действующую диверсионную группу своего сотрудника. Ему удастся выйти на руководителей вражеского подполья буквально накануне намеченной немцами операции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169013-7

© Тамоников А.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Костер горел охотно. Охотники собирали серые прошлогодние ветки, высушенные солнцем и ветрами. Ломались они со звоном и загорались весело, ярко, давая хороший жар.

Котелок закипал, старый Алгыр начал засыпать в него шепотями травы из заветного мешочка. Старческие губы что-то шептали, будто сопровождали каждый пучок сушеной травы напутствием дать отдых и силу людям, отогнать хворь и усталость. Охотник щурил глаза, улыбаясь огню.

Усевшись на корягу и поджав под себя ноги, Алгыр разгладил жиденькую седую бороденку. Покой. Это старик ценил в жизни больше всего. Покой давало осознание, что в семье порядок, что дети здоровы, что рождаются и растут внуки. И что тайга добра к человеку и дает ему дичь, травы, орехи. Дает столько, чтобы прокормиться. И каждый день наполнен благодарностью человека природе и природы человеку, что тот берет ровно столько, сколько ему нужно.

Равновесие, как в лавке, в которой всю жизнь Алгыр покупал табак и порох.

Но мир меняется, и покоя в душе все меньше. Нет, не за себя поднималась в душе тревога у старого охотника — его век близится к концу. Тревога за близких, за молодежь, которой жить в этом быстро меняющемся мире. Но ничего с этим не поделаешь. Надо жить в ладу с другими и со своей душой. А поладить всегда можно. Жаль, не понимает этого старый друг Тулуй. И этот русский Мулымов, что сидит сейчас у костра вместе с якутскими охотниками. Тоже все бродит по земле, все ищет что-то — беспокойство от него. Вроде и хорошее дело делает, думает, как живут растения и животные, думает, как помочь им и как не навредить, но беспокойства в нем много, это хорошо видно. Зачем идешь в тайгу, если на душе неспокойно? Если на душе неспокойно, идти нужно к людям.

— Снег в этом году поздно ляжет, — делая какие-то записи в блокноте, сказал Мулымов. — Кабарга и изюбрь уйдут далеко в тайгу, охота плохая будет.

— Это и видно из твоих стекляшек на носу, — проворчал Тулуй, ломая и подбрасывая в костер сухие ветки. — Мясо надо успеть на-

коптить на зиму, шкуры выделать. Зимняя шкура хорошая. Тепло носить будет. А зверь ушел. Голодно будет в деревнях, холодно будет.

— Всей стране голодно и холодно! — нахмурился биолог и поправил очки на носу.

Снова в небе послышался гул. Охотники подняли головы и стали смотреть на небо. Над тайгой появился большой самолет. В вечернем небе тускло блеснули серебром его крылья. Еще две минуты, и самолет скрылся за кронами деревьев.

Алгыр покачал головой. Зачем человеку небо? Ему даны ноги, чтобы ходить по земле. Зачем так высоко поднимается, что он там ищет, куда идет?

— Жадность влечет человека, — ответил хмурый Тулуй. — Мало ему земли. Большая беда будет, если человек до солнца дотянется.

— Не жадность, — улыбнулся Алгыр. — Человек — что ребенок: ему все интересно, он все хочет попробовать. Любопытство ведет человека. Крылья даны ему любопытством.

— Крылья — зло! Змея летать не может, она из травы жалит. Дай ей крылья, и не будет от нее спасения. Всякой твари свое место отведено.

— Человек — не тварь, — возразил Алгыр.

Но тут охотников перебил Мулымов.

— Вы оба правы и оба не правы, мудрые старики, — сказал биолог, убирая блокнот в карман ветровки и складывая очки. — И насчет любопытства, которое ведет человека к свету, и насчет змеи, обретшей крылья. Война идет, большая война. И крылья несут сейчас воинов навстречу врагам, защищать свои дома.

— Что за война? Какая война? — Тулуй задумчиво посмотрел на русского ученого. — Далеко от нас, зачем здесь летают крылья? Пусть там бы летали, где война.

— Вы веками живете в тайге, — вздохнул Мулымов. — Ничего не меняется здесь. Но мир больше, чем ваша тайга, и он находится в движении.

— Наш маленький мир, в нем маленькое зло, — согласно кивнул Алгыр. — В большом мире большое зло. Много людей, много зла. Но когда много людей, то и добра много. А доброе всегда зло побеждает. Это в каждом из народных преданий, испокон веков об этом говорится.

— Маленькое зло? — Тулуй вскинул голову. — А вот крылья пролетают над нами, над поселком, над нашей тайгой. И сюда зло добралось.

— Эх, старики, — рассмеялся Мулымов. — Вы медленно живете. Вы не помните, когда ваши предки охотились и не знали ружья и пороха...

Начальник заставы лейтенант Прохоров опустил бинокль. Его пограничникам приходилось охранять один из самых сложных участков дальневосточной границы СССР. Река Амур, по которой проходила государственная граница, в этих местах сильно петляла, разбивалась на несколько протоков, омывая небольшие острова. Только вода, только камни и искореженные деревья, которые пытались расти среди скал. Не уследи — и нарушитель скроется севернее в маньчжурской тайге. И не найти там ни его самого, ни его следов.

Двое молодых пограничников и опытный седоусый старшина Антипенко находились поодаль, опустившись на одно колено и держа наготове карабины. Сержант Дюжев, рассудительный, из сибиряков, лежал рядом с командиром и больше смотрел на птиц, что кружили над островами.

— Здесь они пойдут, товарищ лейтенант, — уверенно повторил сержант. — Акимка врать не станет, он сколько раз уже помогал нам.

Акимкой на заставе звали китайца Ким Чона. Рыбак, проводник, известный травник и лекарь народными методами, он знал эти места как свой карман. Тут жили и его предки, а родственников у Акимки что по эту сторону границы, что по ту было не счесть.

— Наш Акимка — товарищ проверенный, — согласился Прохоров. — Но вот в чем беда-то: и кроме него есть опытные охотники и следопыты в Маньчжурии.

— А может, просто мины поставить, товарищ лейтенант? — не унимался Дюжев. — Чего мы вылеживаем, караулим? Пришел чужой — на тебе по сопатке. А нечего лезть! С врагом у нас разговор короткий. И все будут знать...

— С врагом — да, сержант! — терпеливо согласился командир заставы. — А с другом? А если охотник с той стороны заблудился, а если простой крестьянин? Ты знаешь, что в Китае сейчас в некоторых провинциях голод, что там до трети населения в деревнях с голоду умирает? Вот и бывает, что от отчаяния идут к нам за помощью. Выжить хотят. Знают, что Советская страна не бросит трудящихся, обязательно поможет. Мы же не империалисты, мы — страна трудового народа. Вот так-то. На соседних участках бывало такое, и в других отрядах стал-

кивались с ситуацией, когда китайские крестьяне сотнями шли на нашу территорию.

— А мы что же? — сержант аж присвистнул и сдвинул на затылок фуражку.

— А что мы? Конечно, всех накормили, обогрели, но и проверочку сделали. Враг, он не дремлет, и среди беженцев бывает, овечкой прикидывается. Такая наша служба, товарищ сержант. А сейчас — отставить политинформацию. Наблюдать за сопредельной территорией!

Около часа пограничники в полном молчании наблюдали за рекой и зарослями на противоположной стороне. Но вот шелохнулись кусты. Прохоров навел бинокль на подозрительный участок речного берега и стиснул зубы. Вот тебе и Акимка! А они пошли здесь! Голова, повязанная платком, некоторое время возвышалась над кустами, поворачиваясь то вправо, то влево, потом на мелкое каменное крошево у самого уреза воды вышел невысокий человек — по виду китаец. Ботинки, перетянутые полосами ткани икры, карабин, заброшенный за спину. Узкие длинные усы трепал ветерок.

Из кустов один за другим появлялись люди и, торопливо шлепая по мелководью сапогами, бежали к советскому берегу. Один, второй, третий... восемь... двенадцать! И у каждого в руках

карабин, почти у каждого за спиной набитый чем-то тяжелый солдатский вещмешок. Два ручных пулемета: в голове группы и на замыкании.

Сержант Дюжев молчал рядом. Лейтенант покосился на пограничника и заметил, что тот сжимает свой карабин так, что пальцы побелели.

— Спокойно, Дюжев, спокойно, — проговорил начальник заставы.

— Товарищ лейтенант, они же с оружием идут! — громко прошептал сержант. — Это не просто нарушители...

— Да, это банда, это диверсанты, которые идут взрывать и убивать! — зло бросил начальник заставы. — За мной!

Когда лейтенант Прохоров вместе с сержантом прыгнул за камни, где находились в «секрете» пограничники, старшина Антипенко принялся докладывать о своих наблюдениях. Судя по всему, группа нарушителей была одна. Двенадцать человек со стрелковым оружием и при двух ручных пулеметах. Сейчас начальнику заставы приходилось принимать важное решение, и ошибиться он не имел права. Впятером задержать или уничтожить нарушителей сложно. Там вполне могли оказаться подготовленные

и умелые бойцы. А у Прохорова из пяти пограничников двое неопытных, необстрелянных, не участвовавших в задержаниях, а тем более в полноценном бою с врагом. Послать кого-то на заставу за помощью? На это уйдет несколько часов, половина дня. За это время банда скроется в глубине советской территории. Скорее всего, нарушители разделятся на несколько мелких групп.

Надо все сделать самим, и быстро! Теми силами, которыми в настоящий момент располагал Прохоров.

— Вот что, Антипенко, — лейтенант на миг задумался, покусывая от напряжения губу, — возьми одного бойца с пулеметом и по гряде выходи к Тигриной Пади.

— Они медленно пойдут, таиться будут, — согласился старшина. — Успеем, товарищ лейтенант. По гряде бегом можно. Вон Волкова возьму. У него ноги быстрые, в спартакиадах до войны побеждал, говорит.

— Хорошо. — Начальник заставы оценивательно посмотрел на пограничника Волкова. — Забирайте все гранаты, и бегом. Ваша задача — остановить нарушителей и не пропустить вглубь советской территории. Мы с Дюжевым и Пылыновым ударим с тыла, зажмем их с двух

сторон. Вы, главное, продержитесь до нашего подхода.

— Есть продержаться, — бодро ответил старшина. — А ну-ка, бойцы, перемотать портянки, оружие проверить!

Лейтенант кивком отозвал Антипенко в сторону. Старшина, покручивая седой ус, посмотрел начальнику заставы в глаза. Оба понимали всю сложность задачи. По большому счету надеяться приходилось на чудо и на то, что звуки стрельбы услышат на заставе и вышлют тревожную группу. Еще надеяться приходилось на две сигнальные ракеты, которые на заставе обязательно увидят. Эти ракеты как раз и означают, что произошло нарушение границы и что наряду нужна помощь. Давать сигнал ракетами сейчас нельзя, иначе банда быстро рассредоточится и уйдет. Только с началом боя! А потом... Час или два придется ждать помощи и сдерживать нарушителей, отстреливаться и не давать им продвинуться вперед. Собственно, нельзя им дать уйти назад. Сложная задача. Но кто сказал, что у пограничников есть задачи легкие? Специфика службы!

— Все понимаешь, старшина? — тихо спросил начальник заставы.

— Чего ж непонятного, товарищ лейтенант, — кивнул Антипенко. — Решение вы при-

няли правильное. Другого выхода у нас нет. Вы за молодых ребят не беспокойтесь. Надежные они, хоть и не очень умелые. Никто не отойдет! Даже не сомневайтесь!

— Я и не сомневаюсь, — улыбнулся Прохоров. — На тебя как на себя самого надеюсь.

Ветер гнал над головами рваные тучи, небо то хмурилось, то распахивалось, пропуская солнечные лучи. Трепетали листья осин и уродливых берез среди камней. Тревожно было в небе, тревожно было на душе. Вся страна сейчас билась с ненавистным врагом на западе, а здесь, на востоке, через границу то и дело запускали свои жадные шупальца иностранные разведки, прищешники Гитлера и милитаристской Японии. И гибли пограничники, гибли товарищи в неравных схватках. Поднимаясь по ночам в любую погоду на перехват чужих банд и групп нарушителей, вставали грудью на пути врага, заступая ему дорогу на нашу территорию.

Первую пулеметную очередь Прохоров услышал через два часа. Очередь была длинная — патронов в двадцать. «Эх, старшина! — мысленно посетовал начальник заставы. — Не части, экономь патроны!» Но лейтенант просто не знал, что Антипенко сумел найти такую позицию, с которой тропа была как на ладони. Он

и красноармеец Волков успели буквально в последнюю минуту — упали за камни, когда в ста метрах перед ними появилась банда.

Восстанавливая дыхание и смахивая со лба пот, старшина позвал пограничника:

— Волков, видишь сосну слева, повыше нас? Поднимись туда и не высовывайся. Смотри на тропу. Как только группа дойдет до лежащего поперек ствола дерева, крикнешь, как положено по уставу, предложишь сложить оружие и поднять руки. В тебя начнут стрелять. Тут ты сразу за камни и жди. Как заговорит мой пулемет, ты присматривайся к ситуации. Выбирай цель и стреляй только наверняка. Позицию почаще меняй. Понял, Волков?

— Так точно, товарищ старшина, — волнуясь, ответил пограничник.

Антипенко лег щекой на приклад ручного пулемета, глубоко вдохнул и выдохнул, подводя мушку под живот первого, шедшего по тропе противника. Старшина старался глушить в себе радость от того, что удалось найти такую позицию. Долго, очень долго, секунд двадцать, вся группа будет как на ладони, вся под прицелом. И быстро спрятаться, укрыться от огня им некуда. Повезло, не напортачить бы, не подвести лейтенанта.

И вот голос Волкова пронесся над тропой. Уверенно, властно. Молодец, пограничник! И сразу нарушители сорвали с плеч карабины. И только хлестнул в ответ с тропы первый выстрел, как старшина плавно нажал на спусковой крючок своего «дегтяря». На первой очереди Антипенко не стал экономить патроны. Сейчас его задачей было испугать, вселить панику, убить или ранить как можно больше нарушителей, залить тропу свинцовым ливнем. И он выпустил длинную очередь, поводя стволом из стороны в сторону, нагоняя тех, кто бросился в кусты, кто искал укрытия в камнях на склоне. Один, второй, третий. Пятеро остались на тропе! Еще двое, прихрамывая и падая, уползли в укрытие. В этих не стоит стрелять, они уже никуда не денутся. Бить надо тех, кто может скрыться!

Два выстрела раздались сверху. Это из своего карабина стрелял Волков. И ведь попал на второй раз! Пули ударили в камни возле головы старшины, срезали ветки, подняли столбики пыли, зарываясь в рыхлую землю.

Кто-то снизу закричал по-русски, угрожал и требовал. Даже деньги предлагали. Но каждый раз, когда бандиты пытались подняться в атаку и прорваться сквозь кордон, начинал говорить пулемет. Антипенко бил короткими очередями,

охлаждая пыл нарушителей. Да и те вели себя уже осторожнее. Перемещались перебежками, каждый раз в новом месте. Чувствовалась хорошая военная выучка. А патроны в последнем диске буквально таяли. Сейчас придется браться за карабин, и тогда они все поймут и бросятся, как волки, на добычу. На этот случай есть гранаты. Их по четыре у каждого. Но и у врага есть гранаты, наверняка есть. А подпускать противника на расстояние броска гранаты — это последнее дело.

Пулемет замолчал в тот самый момент, когда на мушке было трое нарушителей. Старшина выругался, перекатился в сторону и сжал цевье карабина. Сейчас должен выстрелить Волков, подумал Антипенко. Его выстрел, а потом сразу я и сменить позицию. Ну же! Стреляй! Но молодой пограничник почему-то медлил. Старшина поднял голову и, присев на одно колено за большим камнем, навел карабин на ближайшего бандита. Выстрел! И тут же две пули врезались в камни над головой, обдав лицо мелким острым крошевом. Старшина упал на спину и, упираясь каблуками, стал передвигаться к соседнему камню. Главное — торопиться, не подпускать на расстояние броска гранаты. Эх, Волков...

Тишина всегда пугает, когда ты ее не ждешь. Неожиданная тишина особенно страшна в бою. Она может означать все что угодно. Что все твои товарищи погибли, что... погиб ты сам. И это небо над головой, эти тучи, эту поникшую ветку березы, сбитую пулей, ты видишь в последний раз...

«Я живой», — приказал сам себе старшина, и рука нащупала гранату в брезентовом мешке на поясе.

— Бросай оружие! Быстро! Руки за голову, ноги врозь!

Знакомые слова, произнесенные тысячи раз самим Антипенко за годы службы. Так разговаривают с задержанными нарушителями. Да это же лейтенант!

— Антипенко! Старшина! — громко позвал начальник заставы.

Проводник был тяжело ранен. Он дышал короткими неглубокими вздохами, правая нога рефлекторно подергивалась. Потом он перестал дышать и весь вытянулся на земле.

— Жаль, — проворчал Прохоров и пошел в сторону задержанных. Двое русских со связанными за спиной руками стояли на коленях на расстоянии двух десятков метров друг от друга. Опыт начальника заставы сразу подсказал: вот

этот молодой и настырный, одурманенный пропагандой, говорить не станет. Допросы продолжатся в отряде, там он, может быть, со временем начнет давать показания. А вот этот, второй, с морщинистым лицом, широкоплечий, с чуть кривыми «кавалерийскими» ногами, будет говорить. И лицо усталое, отрешенное, и в глазах нет ненависти. Явно рад, что жив остался, что не надо идти куда-то через тайгу, ломать ноги. Взяли, ну и пусть. Зато все кончилось.

Пограничник Волков сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, и сжимал рукой рану на плече. Парень был бледен, но держался хорошо. Да и по отзывам старшины, в бою был молодцом. Лейтенант подошел к задержанному.

— Ваше имя?

— Липатов Николай Викентьевич, — тихо ответил мужчина.

— Ваше звание в царской армии? — снова спросил Прохоров, угадав в этом человеке бывшего военного.

— Поручик Нижегородского пехотного полка.

— Цель, с которой ваша группа пересекла государственную границу СССР?

— Проведение диверсионных акций, — тихо, после глубокого вздоха отозвался бывший царский офицер.